

Б.Ю. Норман
Минск

Слово и предложение, номинация и коммуникация

*Коммуникативная функция слова,
Она, если в ней разобраться толково,
Кому – позитивная функция слова,
Кому – негативная функция слова.*

Д. Сухарев. К вопросу о коммуникативной функции слова

Основными единицами языка являются слово и предложение. Это не только научные понятия и термины, но и наивные понятия и названия, хорошо идентифицируемые обычным носителем языка. Речь идет, разумеется, не о дефиниции слова и предложения (такая задача перед носителем языка и не ставится), но о том, что обычный человек имеет в своем сознании четкие (прототипические) образцы и того и другого. На вопрос-просьбу «Назовите слово» он дает ответы типа *рука* или *хороший* и т.п. (но не *из-под* или *в качестве*), на задание «Назовите (или: скажите) предложение» отвечает примерами простых двусоставных повествовательных предложений вроде *Папа спит* или *За окном плохая погода* (но не *Спит?* или *За окном*).

Правда, в лингвистике статус предложения несколько размывается с появлением термина и понятия *высказывание* (а также *фраза*), что более всего связано с распространением глобальной оппозиции «язык—речь» на все уровни языковой системы, в том числе синтаксический. По-другому можно сказать, что это идея системности языка прокладывает себе дорогу через представление об изоморфизме языковых уровней (ср. пары: фонема – звук, морфема – морф и т.д.). Предложение в противопоставлении высказыванию понимается как обобщенная языковая единица, структурная схема или образец, по которому строится множество конкретных речевых единиц. А высказывание – это в полной мере конкретная, индивидуальная единица, отражающая отношение говорящего и сообщения к фрагменту действительности. Данную точку зрения сегодня можно считать уже общепринятой, она получила отражение и в стандартных

вузовских учебниках, ср.: «Предложение как единица языка воспроизводимо, оно повторяется в речи, получая меняющееся лексическое наполнение... Высказывание – это один из речевых вариантов предложения; предложение реально функционирует в форме высказывания...» [Головин 1973: 198]. Не случайно также в современной лингвистике утверждается противопоставление конструктивного и коммуникативного синтаксиса: первый ориентируется преимущественно на предложение и его строение, второй – на высказывание и его функциональные свойства (см.: [Распопов 1970: 4—31] и др.).

Конечно, определенные методологические трудности возникают не только при определении статуса предложения, но и при разработке языковых и речевых аспектов понятия «слово». И тем не менее, не вдаваясь здесь специально ни в «синтаксическую», ни в «лексическую» проблематику, подчеркнем, что в целом противопоставленность слова и предложения никем не оспаривается. Эта оппозиция хорошо осознается и самим носителем языка. И хотя для простоты описания принято считать, что «предложение состоит из слов», суть данной оппозиции, конечно, не в количественных параметрах, не в том, что слово в принципе «меньше» предложения, а в их функциональной специфике. В самых общих чертах эту специфику можно определить так: слово служит для называния, предложение / высказывание – для сообщения. Иначе говоря, слово является носителем **номинативной функции**, предложение – **коммуникативной**. К этой на сегодняшний день уже традиционной (или даже тривиальной) точке зрения необходимо, однако, сделать две оговорки.

Во-первых, абсолютизируя противопоставление номинативной и коммуникативной функций языка, мы как бы отвлекаемся от других, тоже важных его общественных предназначений: от познавательной и мыслительной функций, а также от эстетической, экспрессивной, фатической, этнической и прочих.

Во-вторых, существуют языки, для которых противопоставленность слова и предложения не столь очевидна и продуктивна, как в русском. Речь идет, в частности, о полисинтетических языках, применительно к которым, вероятно, следует говорить о

системном синкретизме коммуникативной и номинативной функций.

Однако эти уточнения не отменяют противопоставления слова и предложения как прочной и удобной методологической базы для исследования языковой системы по отдельным уровням.

Тем не менее, во второй половине XX века функциональное противопоставление слова и предложения стало расшатываться, и произошло это в связи с развитием особой – «денотативной», или референтной, – трактовки смысла высказывания. В работах В.Г. Гака, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой и др. обосновывалась точка зрения на предложение как на **знак**, содержанием которого является ситуация как определенный фрагмент действительности (см., в частности: [Гак 1973: 352—360 и др.]). В таком случае в противопоставлении «слово – предложение» акценты расставляются иначе, чем это было сделано выше: и та, и другая языковая единица – это **названия**, только в первом случае **предмета** (вещи), а во втором – **ситуации** (события).

Разумеется, ситуация – сложное, многокомпонентное образование, и ее структура в значительной степени определяет структуру предложения. В то же время и синтаксические единицы, со своей стороны, «не безразличны» к тому, как их используют для наречения фрагментов действительности. Подтвердим это ссылкой на Е.С. Кубрякову: «...Предложения разных типов способны на выполнение номинативных функций не в равной мере» [Кубрякова 1986: 39]; «Выбор единицы номинации соотнобразится с интенцией говорящего и структурно-семантическими особенностями этих единиц... Формат единицы, ее протяженность, ее расчлененность, возможность отразить с ее помощью те или иные детали ситуации, подчеркнуть те или иные моменты в ее характеристике – все это играет свою роль при выборе единицы номинации или в акте ее создания» [Там же: 44—45].

Само возникновение и распространение «денотативной» концепции в синтаксисе, по-видимому, не случайно: ее успех гарантирован не только объективным типологическим сходством (в каких-то отношениях) слова и предложения, но и, можно сказать, правом методологической метафоры: для исследователей оказалось в каком-то смысле удобно и плодотворно рассматривать предложение как название. Выгода такого подхода

особенно очевидна тогда, когда объектом рассмотрения становятся различного рода языковые клише: пословицы, афоризмы, крылатые слова и т.п. Они, будучи по своей структуре предложениями, хранятся в памяти носителя языка целиком и воспроизводятся автоматически, как названия для некоторых стандартных ситуаций. В следующих трех примерах выделены именно такие речевые фрагменты.

Нечаяев. ...И отцов у меня в картине нет...

Трофимов. Найдутся. «В Греции все есть». Потому что в картине у тебя все уязвимо (Э. Радзинский. Снимается кино).

Много работала, уставала и счастья не хотела. Зачем хотеть то, чего нет. *А есть покой и воля.* Вот этого сколько угодно (В. Токарева. Сказать – не сказать).

— Светило медицины черт принес, — сказал медбрат. — В понедельник и такая невезуха. Скажи, за что?

— Да, — кивнула я. — *Сидим тихо, починяем примус...* (Т.Полякова. Как бы не так).

Из сказанного вытекает, что в некоторых условиях функциональная оппозиция слова и предложения стирается, нейтрализуется. Более того, можно утверждать, что существуют, по крайней мере в русском языке, целые жанры, для которых само противопоставление названия и сообщения становится неактуальным. Таковы, в частности, названия литературных произведений. Понятно, что в данной позиции чаще всего выступает словоформа (как свободная синтаксема) или словосочетание. Но может здесь использоваться и целое высказывание, ср. известные примеры: *А зори здесь тихие, Танки идут ромбом, В бой идут одни старики, Завтра была война, Сыновья уходят в бой, У войны неженское лицо* и т.п.

Противопоставление слова предложению «смазывается» также в некоторых жанрах научно-технической документации, для которых важно «уплотнение знания», сжатие передаваемой информации. Такие виды вторичных документов, как аннотация, реестр, поисковый образ документа и т.п., имеют в своей основе определенную, заранее регламентированную структуру, и эта структура лишь частично соответствует «обычным» синтаксическим правилам (в частности, поисковый образ документа – это

просто набор ключевых слов, дающий представление о содержании документа).

Таким образом, даже если не соглашаться в целом с «денотативной» трактовкой смысла синтаксических единиц, приходится признать, что по крайней мере в определенных условиях предложение способно принимать на себя номинативную функцию (свойственную вообще-то слову).

Но процесс нейтрализации противопоставления коммуникативной и номинативной функций можно наблюдать и на базе слова, стремящегося в каких-то ситуациях к самодостаточной передаче сообщения. Речь идет о целых классах лексем, образующих односоставные высказывания, вроде *Ночь* или *Умница!* Одни исследователи говорят в подобных случаях об особой – «предметно-ситуативной» разновидности номинаций [Проничев 1991: 19 и след.], другие пытаются исчислить классы имен, предрасположенных к такой «ассертивной» (предикативной) роли [Міхневіч 1976: 236-252]... Но в любом случае название здесь неотделимо от стремления сообщить адресату констатирующую, оценочную и иную информацию. А это, очевидно, удел (или, под другим углом зрения, прерогатива) высказываний!

Покажем это на нескольких иллюстрациях из художественных текстов.

Так вот из них очередь. Некое присутствие. Ведомство. То ли зуб рвать, то ли справку получать. <...> Очертания приемной обобщены и размыты – может, и зуб, но не исключено, что и Страшный суд... (А. Битов. Внук 29-го апреля). В данном случае *зуб* – это обозначение ситуации, которую в полном виде можно представить примерно так: ‘люди дожидаются своей очереди к врачу, чтобы вырвать больной зуб’. Понятно, что перед нами – не номинация ради номинации, а случай сжатия, компрессии смысла, уменьшения высказывания до размеров слова.

Он возле троллейбусной остановки в снегу лежал, и его уже слегка припорошило. Ну, люди, конечно, видели, но, конечно, внимания не обращали, потому что думали – лежит, ну и лежит. *Суббота* (М. Мишин. Субботний рассказ). *Суббота* здесь означает ‘это была суббота, конец недели, впереди выходной день,

человек, возможно, выпил – имеет на то право’. Как видим, номинативная единица используется для обозначения довольно сложного события.

Да он еще хоть куда, подумал Лева. *Пятьдесят семь*, не курит, не пьет, *лыжи*, *бассейн*. *Седина* чуть-чуть, а вот глаза выдают (Н. Леонов. Профессионалы). Здесь *пятьдесят семь* – это ‘ему пятьдесят семь лет’, *лыжи* – ‘увлекается лыжами’, *бассейн* – ‘посещает бассейн’, *седина* *чуть-чуть* – ‘волосы чуть-чуть тронуты сединой’. Каждое слово оказывается полноценным носителем целой пропозиции, и в его пределах происходит как бы сплав, слияние коммуникативной и номинативной функций.

Естественно, что в конкретном случае говорящий то и дело испытывает колебания в выборе языковых средств для выражения исходного смысла: он решает, то ли ему представить информацию в виде предложения, то ли – в виде слова (пусть даже с зависимыми членами). Именно такую ситуацию мы наблюдаем в следующих контекстах:

Бросаю. Честно говоря, я немного умею бросать так, чтобы получилось то, что нужно. *Орел*. *Упала орлом* (В. Аксенов. Звездный билет). Словоформа *орел* здесь – не имя предмета, а имя события, и чтобы у читателя не возникло в этом никакого сомнения, далее идет расшифровка в виде целого высказывания, хотя и с эллиптическим подлежащим: [монета] *упала орлом*.

Но под силу ли искусству весь ужас нашей жизни? Вслед за «афганским» с войны возвращается «чеченское» поколение. *Человек с ружьем кажется вечным*. Или наоборот: *вечный человек с ружьем...* («Общая газета». 1996. № 6). Нормальная предикативная структура *человек с ружьем кажется вечным* выступает в данном контексте как конкурент номинации *вечный человек с ружьем...*

В свете сказанного неудивительно, что наряду с очерченной выше «денотативной» концепцией, которая пытается объединить слово и предложение под крышей единой **номинативной** функции, в современном языкознании существует и тенденция, направленная в противоположную сторону. Это значит – некоторые исследователи склонны не только в предложении / высказывании, но и в слове видеть типовой инструмент **коммуникации**. Например, у В.А.Звегинцева читаем: «Слово наиболее

полно выражает коммуникативные функции» [Звегинцев 1973: 226]. По сути, текстообразующие способности слова обнаруживают себя сразу же, как только описание его лексической семантики достигает достаточной глубины. Дело в том, что процедура филиации лексического значения, расщепления его на лексико-семантические варианты и установления внутренней структуры каждого из них неизбежно приводит к определению условий речевого функционирования этих вариантов, а также к выделению отдельных сем, определяющих сочетательные «предпочтения» и ограничения слова.

Примером такой подробной разработки семантики слова может служить Толково-комбинаторный словарь, создававшийся И.А.Мельчуком, А.К.Жолковским и их единомышленниками. Скажем, словарная статья ОБЕД состоит здесь из трех значений (лексико-семантических вариантов), к каждому из которых приводится подробное описание условий функционирования данного существительного: типичные для него определения (*легкий, сытный, комплексный...*), типичные глаголы, управляющие словом ОБЕД (*есть, готовить, заказывать, отпускать, оставлять без...*), типичные глаголы, которыми ОБЕД управляет (*состоять из, проходить...*), типичные обстоятельства (*в ресторане, у Максима...*) и т.д. Наряду с этим, в Толково-комбинаторном словаре приводятся образцы готовых контекстов употребления, а также невозможных (запретных) контекстов [Мельчук, Жолковский 1984: 470—475].

Путь от слова к высказыванию, от номинации к предикации (и коммуникации в целом) можно проследить и при помощи разнообразных экспериментальных методик. Психолингвисты знают: достаточно малейшей внешней «искры», речевого стимула для того, чтобы заставить заработать текстообразующий потенциал слова. В частности, большинство реакций, получаемых в ходе свободного ассоциативного эксперимента, — это реакции испытуемых, направленные на создание **высказывания**. Так, самые частые реакции, полученные на стимул ГОСТЬ, по данным А.А. Леонтьева [Словарь ассоциативных норм 1977: 84], это *незванный, неожиданный, желанный, долгожданный, дорогой, приехал, кость,*

неожиданный, друг, приятный, татарин, хуже татарина, дом, непрошенный, праздник, радость, встреча, дома, стол, хороший... Здесь легко обнаружить ответы, непосредственно реализующие сочетательные потенции слова – это так называемые синтагматические реакции (*гость незванный, гость приехал, гость хуже татарина* и т.п.). Но даже в ответах, традиционно считающихся парадигматическими (*гость – друг, гость – татарин, гость – праздник, гость – стол* и т.п.) можно усмотреть зачатки формирования текстовых цепочек (ср. высказывания типа: *Гость – это друг; Гость – как татарин; Гость значит праздник, Гость – к столу* и т.п.). И даже в случае явно фонетической ассоциации *гость – кость* можно говорить о текстообразующей тенденции, имея в виду, например, создание рифмы для стихотворного текста.

Современная семасиология использует и другие методики, позволяющие выявить и описать текстообразующий потенциал лексем. В частности, методика многоступенчатой, последовательной семантизации слова, основанная на данных толковых словарей, позволяет не только во всей полноте представить способ вхождения слова в многомерную лексическую систему, но и предсказать направления развития его семантики и возможности его участия в создаваемом тексте.

К примеру, основное значение слова *окно* – это ‘отверстие в стене для света и воздуха, а также рама со стеклом, закрывающая это отверстие’; такое толкование дает Малый академический словарь под ред А.П. Евгеньевой. Если теперь принять семы ‘отверстие’, ‘стена’, ‘свет’, ‘воздух’, ‘рама’, ‘стекло’, ‘закрывать’ за **семемы** (план содержания соответствующих лексем) и рассмотреть их структуру по тому же словарю, то мы получим на второй ступени семантизации ряд новых идентифицирующих и дифференцирующих сем. Для *стена* это будет ‘вертикальный’, ‘часть’, ‘здание’, ‘помещение’ и др., для *свет* – ‘лучистый’, ‘энергия’, ‘зрение’, ‘видеть’ и др., для *воздух* – ‘газ’, ‘земной’, ‘атмосфера’ и др., для *стекло* – ‘прозрачный’, ‘тонкий’, ‘материал’, ‘изделие’ и т.д. Уже на третьей ступени подобной семантизации слова *окно* исследователь выходит на такие семы, как ‘человек’, ‘жизнь’, ‘день’, ‘ночь’, ‘надежда’, ‘радость’ и т.п. Именно актуализация этих семантических

компонентов определяет особенности употребления слова *окно* в переносных значениях (см.: [Гриб 2002: 54—57]). Так, поэтические контексты демонстрируют возможности употребления лексемы *окно* в метафорических и метонимических значениях ‘глаз’, ‘огонь’, ‘ночь’, ‘бессонница’, ‘одиночество’, ‘друзья’, ‘семья’, ‘уют’, ‘свобода’, ‘выход’ и т.п. Вся сложная сеть парадигматических отношений между семами находит свое отражение в богатстве синтагматических связей слова в тексте. *Окна* в поэзии *смотрят, горят, хмурятся, спят, ревнуют*; они бывают *томными, туманными, веселыми, постылыми* и т.д. Несколько иллюстраций:

Слышу колокол. В поле весна.

Ты открыла веселые окна...

(А. Блок. Слышу колокол. В поле весна...)

Окна сцены мне делают. Бесцельно ведь!

Рвется с петель дверь, целовав

лед ее локтей.

(Б. Пастернак. Конец)

Не поцелуемся мы утром рано,

А ввечеру не поглядим в окно.

(А. Ахматова. Не будем пить из одного стакана...)

Я сижу у окна, обхватив колени,

в обществе собственной грузной тени...

Я сижу у окна в темноте; как скорый,

море гремит за волнистой шторой...

(И. Бродский. Литовский дивертисмент).

Таким образом, в речевой деятельности правомерно рассматривать слово по отношению к предложению не только как своего рода экстракт или выжимку, но и как зародыш или предтечу. Функциональное соотношение слова и предложения оказывается значительно сложнее, чем это можно было себе представить в рамках оппозиции «номинация – коммуникация». Определенную помощь в разработке данной проблемы могут оказать уже упоминавшиеся психолингвистические методики.

Психолингвистика – по преимуществу экспериментальная наука, и даже у своих истоков – в работах Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия и др. – она была нацелена на практическую сторону исследований речевой деятельности, не на выдвижение гипотез, а на их проверку. Применяемые сегодня пси-

холингвистические методики, в том числе самые простые, с формулировками заданий типа «Закончите предложение...», «Вставьте слово в предложение...», «Опишите ситуацию...» («Что вы видите на картинке?»), «Перескажите текст...», «Выберите слова из следующего списка...» и т.п., позволяют верифицировать новые гипотезы, касающиеся внутренних механизмов речевой деятельности.

В частности, исследователи речевого общения выделяют такие важные составляющие процесса восприятия текста, как психологическая установка (ориентация) слушающего, учет им авербальной информации (мимики, жестов, обстановки), постоянное выдвижение и проверка семантических гипотез, а также вероятностное прогнозирование формы языковых единиц и т.д. Не меньшее число факторов обуславливает процесс производства, или порождения, текста говорящим. Конечно, наиболее сложным для исследования остается латентный этап внутренней речи. Несмотря на его связь с моторными (речедвигательными) процессами, нет достаточных оснований материализовывать мыслительные структуры именно в них (движениях языка, губ, глотки), поэтому продолжают попытки изучения особого «языка» мысли, истинного ее носителя [Горелов 2003: 55—59]. В качестве такового некоторые ученые, вслед за Н.И. Жинкиным, признают так называемый универсально-предметный код, единицы которого отражают «наглядные представления» о предметах – этим и обеспечивается его универсальность [Жинкин 1982: 54—55, 93—95 и др.]. Но думается, что связывать значения слов с сенсорными образами – значит сильно обеднять содержательную сторону языка, его понятийно-концептуальную природу. Во всяком случае, данная теория не может объяснить, почему говорящий иногда выбирает для обозначения события высказывание *Вечер*, иногда предпочитает *Вечереет*, а иногда – *Это было вечером...* или *Когда мы вечером...* и т.д.

Очередной шаг в интересующем нас направлении был сделан психолингвистом Л.В. Сахарным. В его публикациях разрабатывается идея о том, что в мозгу человека действуют две грамматики, каждая из которых локализована в «своем» полушарии головного мозга. Распространенное представление о том, что речевая деятельность связана исключительно с зонами в левом

полушарии, не соответствует действительности. Это было установлено в ходе экспериментов с больными, которых лечили так называемым унилатеральным электрошоком. После такой процедуры у больного в течение нескольких минут нормально работает только одно полушарие (не подвергавшееся воздействию), и благодаря этому у исследователя появляется возможность на одно и то же языковое задание получать ответы от «разных полушарий». Оказалось, что левое полушарие обрабатывает сообщение по частям, аналитически, приближаясь к логическим механизмам трансформационных преобразований. Оно работает с дискретными единицами разных уровней – от дифференциального признака фонемы до предложения. Правое же полушарие стремится охватить и представить информацию целиком, глобально. Поэтому оно стремится к фразеологизации и идиоматизации, к сведению информации к набору ключевых слов, а еще более – к названию предмета и его признаков [Сахарный 1989: 145—151; Сахарный 1994: 10—19]. Это дало право Л.В. Сахарному назвать правополушарную грамматику «тема-рематической».

Гипотеза «двух грамматик» позволяет по-новому взглянуть на конкуренцию предложения и слова в сфере коммуникации. Задача левого полушария – построение развернутого, хорошо структурированного высказывания; правое же полушарие стремится к сжатому, цельному представлению информации, к закреплению ее в слове. Конечно, в нормальном случае все разделы головного мозга работают координированно, слаженно, и образующееся в результате высказывание несет на себе следы деятельности и того, и другого полушария: оно, с одной стороны, построено по правилам языка, с участием единиц всех уровней языковой иерархии, в том числе лексем – типичных номинаций; а с другой стороны, оно структурировано по отношению к акту речепорождения: в нем обозначена тема (информационный фон высказывания) и рема (информационная кульминация).

Однако не забудем о том, что коммуникативные интенции носителя языка, а также прочие условия общения в конкретных случаях могут очень сильно различаться. В одном случае говорящему важно обозначить действие субъекта, в другом – его

состояние, в третьем – приписать субъекту некоторую квалификацию, в четвертом – локализовать ситуацию в пространстве и т.п. Выше уже говорилось о том, что языковые структуры разных типов оказываются в разной мере пригодными для выполнения тех или иных коммуникативных (в самом широком смысле) задач. Соответственно некоторые коммуникативные интенции «не хотят» воплощаться в развернутые синтаксические структуры, а некоторые номинативные интенции «не любят» воплощаться в однословные названия. Именно ситуация общения, ее цель и жанр предопределяют особенности языкового воплощения мысли и характер взаимодействия лексики и синтаксиса в речевой деятельности.

Покажем это еще на некоторых примерах.

Распространенные в русской речи высказывания типа *Воды! Хлеба и зрелищ! Огня! Тишины!* (все формы – в родительном падеже) или *Врача! Машину! Милицию! Отвертку!* (все формы – в винительном) семантически и формально самодостаточны: они и не требуют развертывания. Более того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что подставить сюда конкретный глагол не так-то просто: *Требую? Хочу? Прошу? Дайте? Принесите? Позовите? Пригласите?*... И даже если такое высказывание включает в себя иные зависимые словоформы, – ср.: *Карету мне, карету! Машину Хрусталеву! На лестнице колючей разговора б!* (О. Мандельштам), – то его синтаксическая членимость остается под вопросом [Норман 2003: 137—138]. Понятно: однословность данных реплик в значительной степени объясняется теми условиями, в которых они произносятся: перед нами призывы и требования, исполнение которых не терпит отлагательства. Этим объясняется и стандартность номинаций: список лексем в описанных ситуациях весьма ограничен. Получается, что коммуникативная функция, с одной стороны, диктует высказыванию правила его синтаксического построения, а с другой стороны, она сама связана определенными номинационными обязательствами (пресуппозициями).

Другой пример. Нередко для называния предмета в русском языке используется предикативная структура, по форме совпадающая с придаточным предложением, но по сути равноценная однословной номинации, ср.: *Блажен кто верует* (=верующий),

все, что наше (=наше), то, что священо (=святыня), дай чем писать (=карандаш) и т.п. Условия употребления этих конструкций можно обобщить примерно так: «...В большинстве случаев предикативная структура употребляется там и тогда, где и когда невозможно применение лексических наименований. Когда же ПС имеют однословные трансформы, их вариативное использование подсказывается стилистическими факторами...» [Бойченко 1979: 21; ср.: Никитевич 1985: 21—22]. Но для нас это еще один «особый» случай взаимодействия номинативной и коммуникативной функций, который можно свести к тому, что синтаксическая структура «поступается своими интересами», обслуживая номинацию.

Взаимообусловленность коммуникативной и номинативной функций в процессах речевой деятельности, их взаимопроникновение и переплетение в рамках одной и той же текстовой данности заставляют искать новые трактовки механизма взаимоотношений синтаксических и лексических единиц. Уже упоминавшийся Л.В. Сахарный предлагает ввести «некоторую базисную «надуровневую» единицу речевой деятельности, которую можно назвать коммуникативной номинацией (КН). Введение понятия КН дает возможность, с одной стороны, выявить закономерности функционирования единиц речевой деятельности, независимо от того, к какому лингвистическому уровню они относятся, описать в общих единых терминах то, что сегодня разбросано по разным областям лингвистической науки. А с другой стороны, введение КН позволяет более адекватно сформулировать закономерности, приводящие к указанному разнообразию формальных структур текстов речевых произведений» [Сахарный 1989: 119].

Действительно, наш материал показывает, что при описании процессов производства и восприятия текста понятие «коммуникативной номинации» могло бы оказаться продуктивным. Оно создает ономаσιологическую базу, на которой удобно анализировать процессы превращения слова в высказывание и наоборот. Ведь сам носитель языка с легкостью переходит от одного структурного типа КН к другому, не обращая внимания на изменения в их собственно языковых составляющих – как в следующем примере:

Да, это была *непогодка*! Какая там *гроза*! *Вихрь, ураган, циклон, самум, смерч, тайфун обрушился* на нас! Папа бушевал (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания).

Разумеется, введение в научный оборот такого «речедеятельного» образования, как коммуникативная номинация, не отрицает существования традиционно выделяемых слова и предложения и не отменяет необходимости их собственно лингвистического исследования.

В связи с описываемыми процессами стоит напомнить, что большой практический интерес вызывают способы информационного **сжатия** текста. Как известно, в таких целях могут использоваться разные языковые средства: ключевые слова, отглагольные существительные, предложно-падежные формы с обстоятельственным значением, некоторые частицы и т.д. Но характерно, что все эти «инструменты конденсации» опять-таки по-своему привязаны к определенным жанрам речи и обусловлены определенными коммуникативными интенциями.

В частности, выделение ключевых слов – необходимое условие для автоматического реферирования научно-технических текстов. Здесь требования совершенно конкретны: ключевые слова – это имена (как правило, существительные), часто употребляемые в тексте и несущие важную (в тематическом и рематическом плане) смысловую нагрузку. Но за пределами научно-технической документации операционная ценность ключевых слов снижается, а само это понятие становится не таким строгим. Здесь, наряду с существительными, за которыми закреплена «прототипическая» номинативная функция, в числе ключевых могут встретиться и слова иных частей речи; тут приходится учитывать также эстетическую и прочую коннотацию слова и т.п. (см., например: [Жлобинская, Штерн 1989: 66—71]).

Еще одно средство сжатия текста – это отглагольные существительные (девербативы). С их помощью ситуация обозначается как предмет, она вводится на правах актанта (аргумента) в состав иной, более сложной ситуации. Соответственно целое высказывание сводится до величины отдельного слова. Такая операция называется номинализацией. Согласно более строгому определению, с номинализацией мы имеем дело тогда,

когда отглагольному имени соответствует в глубинной структуре фразы предикат низшего ранга (который в поверхностной структуре может быть выражен придаточным предложением). Так, *Он пропустил урок из-за болезни* означает *Он пропустил урок из-за того, что болел*. Сопоставление материала разных языков показывает, что номинализация есть одно из проявлений универсальной тенденции к «интеллектуализации» текста, то есть к развитию его выразительных возможностей в связи с потребностями науки, мыслительной деятельности и т.п. [Korytkowska 1995: 184].

Но разве дело только в этой общей тенденции? Почему же за пределами научного и делового стилей девербативы наталкиваются на многочисленные словообразовательные ограничения, не говоря уже о психологическом барьере, который они должны преодолеть в сознании носителя языка? Показательны в данном отношении следующие примеры:

— ...Наконец, продолжение рода? Хорошенькое дело, если мужчины перестанут жениться и возьмут курс на... – тут она запнулась, подыскивая оборот, – на *расположение* безотцовщины (В. Пьецух. С точки зрения флейты).

— Слушай, профессор, – перебил его Чинариков, – а не пора ли нам спать?

— Погоди ты со своим *спаньем*! (В. Пьецух. Новая московская философия).

Комендант несомненно утонет, сказал я... Кроме того, напомнил я, в случае *утонутия* коменданта задача все равно останется невыполненной... (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Сказка о Тройке).

М.Ю. Федосюк, задаваясь сакраментальным вопросом: «Зачем деловому стилю отглагольные существительные?», отвечает на него так: затем, что они – необходимое условие реализации точности и краткости изложения, присущих данному стилю. Но к этому добавляет: не случайно в официально-деловых текстах сравнительно мала доля сложноподчиненных предложений с придаточными причины: девербативы в составе полипропозитивных структур в значительной мере принимают на себя данную миссию [Федосюк 2003, 224]. А это значит, применительно к нашей теме, что причина, по отношению к официально-

деловому стилю, редко выступает как самостоятельное событие: говорящий (чаще – пишущий) стремится включить ее в качестве составляющей в более сложную мыслительную структуру.

Тем самым мы опять приходим к идее обусловленности номинационных и синтаксических процессов коммуникативными интенциями и иными условиями общения. Можно повторить здесь в качестве общего вывода и то положение, которое было сформулировано нами несколько ранее: взаимоотношения слова и предложения в речевой деятельности, с учетом выполняемых ими функций, оказываются значительно более сложными, чем это представляется в статической картине языка.

Литература

Бойченко Г.Е. Трансформация предикативных структур в однословные наименования // Русский синтаксис (Известия Воронежского пед. ин-та. Т. 203). – Воронеж, 1979.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М., 1973.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. Изд. 2-е. – М., 1973.

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М., 2003.

Гриб С.И. Преобразование семантической структуры слова на основе метонимии (лексема *окно* в поэтическом тексте) // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка. 2002, № 1.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.

Жлобинская О.Н., Штерн А.С. Репродуцированный текст в его отношении к исходному // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. – М., 1989.

Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М., 1973.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986.

Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. – Вена, 1984.

Міхневіч А.Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. – Мінск, 1976.

Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск, 1985.

Норман Б.Ю. К восприятию современного художественного текста (на материале стихотворения О. Мандельштама «Куда мне деться в этом январе?») // *Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet/ Red. naukowa L. Szypielewicz.* – Warszawa, 2003.

Проничев В.П. Функционирование именных односоставных конструкций в тексте (предметно-ситуативные номинации). Учебное пособие к спецкурсу. – Л., 1991.

Распопов И.П. Стрoение простого предложения в современном русском языке. – М., 1970.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Курс лекций. – Л., 1989.

Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // *Человек—текст—культура.* – Екатеринбург, 1994.

Словарь ассоциативных норм русского языка. Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1977.

Федосюк М.Ю. Зачем официально-деловому стилю нужны отглагольные и отадективные существительные? // *Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 80-летию Ольги Борисовны Сиротининой/ Под ред. М.А. Кормилициной.* – Саратов, 2003.

Korytkowska M. Nominalizacje a struktura semantyczna verbum (na materiale polskim i bułgarskim) // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 32.* – Warszawa, 1995.

©Норман Б.Ю., 2004